

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-8

Стрессоустойчивость в Европейской политике соседства

Николай Николаевич ГУДАЛОВ

кандидат политических наук, доцент, факультет международных отношений

Санкт-Петербургский государственный университет, 191060, ул. Смольного, д. 1/3, под. 8, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: n.gudalov@spbu.ru

ORCID: 0000-0001-7398-933X

Евгений Юрьевич ТРЕЩЕНКОВ

кандидат исторических наук, доцент, факультет международных отношений

Санкт-Петербургский государственный университет, 191060, ул. Смольного, д. 1/3, под. 8, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: e.treschenkov@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-1323-2383

ЦИТИРОВАНИЕ: Гудалов Н.Н., Трещенков Е.Ю. (2020) Стрессоустойчивость в Европейской политике соседства // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 4. С. 163–191. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-8

Статья поступила в редакцию 15.07.2019.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01110).

АННОТАЦИЯ. В предлагаемой статье исследуется артикуляция понятия «стрессоустойчивость» в политике Европейского союза в отношении регионов восточного и южного соседства. В дискурсе внешней политики и безопасности Глобальной стратегии ЕС 2016 г. это понятие предстает в качестве ключевого. Идея заключается в том, чтобы доверить соседним государствам самостоятельное формирование такой стрессоустойчивости, которая позволила бы им абсорбировать угрозы безопасности широкого плана, не проецируя их на Европейский союз. Анализ места стрессоустойчивости в эволюции Европейской политики соседства, а также в отношениях с соседями на во-

стоке и юге позволяют сделать выводы относительно новизны подхода, а также перспектив и препятствий на пути его реализации. В статье политика ЕС рассмотрена через призму ключевых для понятия «стрессоустойчивость» измерений: системы, угроз и ресурсов. По своей сути подходы ЕС изменились мало, что иногда вступает в противоречие с краеугольными идеями теории стрессоустойчивости применительно к социальным системам. Так, сохраняется тенденция оценивать существующие в странах-соседях общественные и культурные практики через представление о «правильном» и «неправильном», исключая их тем самым из ресурсов стрессоустойчивости.

В случае с восточным соседством Брюссель не отказался от продвижения здесь полного пакета реформ, ориентированного на распространение на государства региона существующих в самом Евросоюзе практик. Этому способствует представление о регионе как части Большой Европы. Проблематика Южного Средиземноморья и Ближнего Востока, напротив, все более сливается в глазах ЕС с проблемами всего Африканского континента. В дискурсе и политике Евросоюза игнорирование проблем региона может помешать формированию более качественных форм стрессоустойчивости на юге.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *стрессоустойчивость, Европейский союз, Европейская политика соседства, восточные и южные соседи*

С момента запуска Европейской политики соседства (ЕПС) в 2004 г. экономическая и политическая ситуация по периметру Европейского союза стала еще более сложной, чем раньше. Количество угроз безопасности на юге и востоке увеличилось. При этом сами европейцы вольно или невольно, но сыграли определенную роль в дестабилизации соседних регионов. Чем больше Брюссель интенсифицировал попытки распространения здесь своей модели, тем сильнее оказывалось сопротивление отдельных региональных игроков, а линии раскола пролегли по периферии ЕС, и даже в нем самом. Перед лицом беспрецедентного массива внешних и внутренних вызовов правящие элиты и бюрократия сделали упор на укреплении внутреннего единства и сплоченности европейского интегра-

ционного проекта. В случае с соседями ЕС курс был взят на их стабилизацию и формирование по периметру Союза стрессоустойчивых государств и обществ (*resilient states and societies*). Понятие стрессоустойчивости¹, определяемой как «способность обществ и государств реформироваться, тем самым противостоя внутренним и внешним кризисам, а также восстанавливаясь от их последствий»², стало одним из ключевых в политике Европейского союза.

В фокусе предлагаемой статьи находится артикуляция понятия стрессоустойчивости в политике Европейского союза в отношении регионов восточного и южного соседства. Специфика подхода ЕС раскрывается посредством определения места стрессоустойчивости в процессе эволюции Европейской политики соседства, а также анализа ключевых измерений стрессоустойчивости применительно к соседям на юге и востоке.

Важно выяснить, является ли введение этого понятия в политическую практику отражением серьезных сдвигов в восприятии Брюсселем сути и форматов взаимодействия с соседними государствами. Даже если реальных сдвигов оказывается мало, такой вывод требует научного анализа, а не априорной констатации. Если Евросоюз сделал своим приоритетом новое понятие, исследовали не вправе это игнорировать. Кроме того, популярность стрессоустойчивости как научной концепции растет, и необходимым кажется определить, каковы расхождения между академическими трактовками этого понятия и практикой ЕС. Пока количество подобных систематических исследований стрессоустойчиво-

1 Такой перевод термина *resilience* представляется авторам наиболее полно отражающим суть понятия. См. также [Романова 2017; Павлова, Гудалов, Коцуур 2017; Донич 2018; Шейн 2019].

2 SharedVision, CommonAction: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy (2016) // EEAS // https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web.pdf, дата обращения 25.08.2020.

сти на обоих флангах ЕПС явно недостаточно.

В первом разделе статьи определяются устойчивые черты Европейской политики соседства и их соизмеримость с концепцией стрессоустойчивости. Далее политические трактовки стрессоустойчивости, даваемые Евросоюзом, соотносятся с академическим вариантом этого понятия. Итогом первого раздела являются критерии для анализа эмпирического материала по реализации обновленного подхода ЕС к соседям на востоке и юге, проводимого во втором и третьем разделах соответственно.

Характерные черты ЕПС и понятие «стрессоустойчивость»

Формирование Европейской политики соседства происходило в условиях серьезных изменений на континенте. В 2004 г. Евросоюзу предстояло пережить самое масштабное расширение за всю его историю. Прежде всего, речь идет о восточной границе, где расширение стало заключительным этапом «возвращения в Европу» ряда бывших социалистических республик. Отношения с государствами на юге и востоке, географически близкими ЕС и оказывающими влияние на его безопасность, но не имеющими перспектив членства, было решено структурировать отдельной политикой соседства. В так называемое кольцо друзей (ring of friends) были включены и «новые независимые государства СНГ» (Беларусь, Молдова, Украина), и Южное Средиземно-

морье³, а также, после некоторых дискуссий, государства Южного Кавказа⁴. С Россией, первоначально включенной в ЕПС, в дальнейшем было решено развивать отношения в формате «стратегического партнерства».

Задачей ЕПС стало продвижение в странах-соседях такого комплекса реформ, который способствовал бы их социально-экономическому развитию, при этом приближая их национальные модели к условной европейской. ЕПС носила очевидный односторонний характер. Планы действий, подписываемые Евросоюзом с каждой страной-соседом, представляли собой перечень реформ, которые соседи обязались провести. Во многих соседях ЕС, особенно настроенных на сближение с ним по образцу стран пятого расширения, ЕПС была воспринята со скепсисом. Тех бонусов, которые предлагались в рамках политики соседства, было очевидно недостаточно, чтобы мотивировать соответствующие государства к проведению комплекса реформ по шаблонам Брюсселя, в особенности если учитывать, что такие реформы серьезно затрагивают интересы правящих элит, а также чреваты существенными социально-экономическими издержками для проводящих их правительств. ЕПС критиковали и за то, что она не вносила каких-то серьезных изменений в уже существующие подходы ЕС к соседям. Кроме того, под крышей ЕПС были объединены очень разные регионы – пусть сталкивающиеся с общими в глобальном представительстве проблемами, но обладающие существенной спецификой.

3 Communication from the European Commission "Wider Europe – Neighbourhood": A New Framework for Relations with Our Eastern and Southern Neighbours (2003) // EEAS // https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/com03_104_en.pdf, дата обращения 25.08.2020.

4 Communication from the European Commission "European Neighbourhood Policy. Strategy Paper" (2004) // European Commission // https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/2004_communication_from_the_commission_-_european_neighbourhood_policy_-_strategy_paper.pdf, дата обращения 25.08.2020.

В последующие годы политика соседства претерпела ряд изменений. Во-первых, речь идет о все большем разделении ЕПС на два измерения, восточное и южное, а также об их институционализации. В 2008 г. при активном участии Франции Евро-Средиземноморское партнерство (ЕСП, Барселонский процесс) было преобразовано в Союз для Средиземноморья – межправительственную организацию, объединяющую также «южных соседей» и страны – члены ЕС. Параллельно, в результате серии договоренностей между Францией, Польшей, Германией и Швецией, на востоке стало возможным появление Восточного партнерства (ВП), объединившего страны – члены ЕС и шесть восточных соседей. Последние месяцы формирования ВП прошли в условиях конфликта вокруг Южной Осетии⁵, что, вне всякого сомнения, оказало влияние на идеологическую нагрузку соответствующего проекта.

Во-вторых, поскольку даже появление Союза для Средиземноморья и ВП не изменило принципиальным образом сути подходов ЕС к соседним государствам [Юн 2014, с. 47], следующей стала корректировка инструментария ЕПС. В 2011 г. в канву ЕПС был введен принцип «большее за большее» (*more for more*)⁶. В отличие от негативной политической обусловленности, предполагающей ограничение сотрудничества ЕС с теми государствами, которые отклоняются от следования «общим ценностям» (например, с Беларусью и Ливией), данный подход можно отнести к инструментам положительного стиму-

лирования. Его суть в том, что те страны, которые демонстрируют очевидный прогресс на пути «европейской интеграции», получают в качестве бонуса дополнительное финансирование и возможности в рамках соответствующих программ и проектов ЕС.

Реформа ЕПС совпала с событиями так называемой Арабской весны в государствах на южной границе Евросоюза. Первоначально, по итогам смелых политических режимов в Тунисе и Египте, среди европейцев преобладали оптимистичные настроения. Казалось, способность ЕС стать силой, положительно влияющей на трансформацию соседних государств, подтверждается практикой. Однако такие выводы оказались преждевременными. С течением времени внутреннее противостояние властей и оппозиции в ряде государств Ближнего Востока и Северной Африки привело к широкомасштабным конфликтам. В тех же государствах, где были свергнуты «репрессивные»⁷ режимы, к власти в результате конкурентных выборов начали приходиться не менее радикальные политические силы. Нестабильность в регионе разрасталась и напрямую (в виде миграционного кризиса) затронула безопасность и стрессоустойчивость самого Евросоюза.

На востоке наступательная и бескомпромиссная позиция Брюсселя относительно сопротивления, оказываемого Россией подписанию соглашений об ассоциации между ЕС и рядом постсоветских государств (прежде всего Украиной), имела не менее драматич-

5 Речь идет о российско-грузинском конфликте в августе 2008 г., по результатам которого в ЕС было созвано экстренное заседание Европейского совета, а также было принято решение интенсифицировать процесс подготовки Европейской комиссией предложений по Восточному партнерству.

6 Joint Communication "A New Response to a Changing Neighbourhood" (2011) // European Commission, May 25, 2011 // http://ec.europa.eu/research/iscp/pdf/policy/com_2011_303.pdf, дата обращения 25.08.2020.

7 Терминология Евросоюза для обозначения авторитарных режимов, подавляющих несанкционированную политическим руководством общественно-политическую активность в стране.

ные последствия. Украинский кризис стал результатом долгое время копившихся противоречий между Россией и Западом, при этом обе стороны недооценили готовность друг друга идти на максимальное обострение отношений [Худолей, Трещенков 2016, с.125].

Параллельно в самом Евросоюзе продолжался рост популистских настроений и популярности евроскептиков, а одно из ключевых государств Союза, Великобритания, приняла решение о подготовке к выходу из ЕС (референдум 23 июня 2016 г.).

На этом фоне происходила разработка и презентация Глобальной стратегии Евросоюза по внешней политике и безопасности. Возросшая нестабильность по периметру ЕС и внутри него, напрямую угрожающая будущему европейского интеграционного проекта, задала рамки новой Стратегии. Неслучайно ключевым понятием документа стала «стрессоустойчивость», ранее ограниченно использовавшаяся Евросоюзом в таких областях, как помощь развитию, энергетика, информационная безопасность и экология [Романова 2017].

Следует отметить, что теория стрессоустойчивости изначально разрабатывалась в экологии. Она определялась как способность экологической системы выдерживать колебания параметров в результате воздействия [Holling 1973]. Постепенно стрессоустойчивость стала использоваться в других областях знания, а также в бюрократическом дискурсе отдельных государств (Великобритании, США) и международных организаций (системы ООН, ОЭСР). Исследователи отмечают, что в результате такого использования стрессоустойчивость утратила ака-

демическую стройность и однозначность, став пограничным понятием, облегчающим коммуникацию между различными подходами и сферами знания [Brand, Jax 2007]. Очевидно, именно последнее качество способствовало закреплению понятия в дискурсе институтов Евросоюза. Вместе с тем, несмотря на звучащие сомнения относительно применимости теории стрессоустойчивости к социальным системам [Olsson et al. 2015], в экспертной среде существуют серьезные наработки относительно этого понятия, давно ушедшие за рамки классических интерпретаций.

Активное применение понятия «стрессоустойчивость» к проблематике соседства начинается в 2015 г. В Сообщении Высокого представителя и Еврокомиссии, подводящем итог публичным консультациям по очередному этапу реформирования ЕПС, стрессоустойчивость упоминается около десятка раз, а ее укрепление соседями Евросоюза видится авторами документа исключительно в контексте проведения политических и экономических реформ. Эта часть подхода, очевидно, не изменилась со времен запуска ЕПС в 2004 г. Аналогичная ситуация и с тезисами о совместном с каждым партнером формировании повестки сотрудничества (*greater mutual ownership*) и о дифференциации (*differentiation*). Вместе с тем введение в ЕПС понятия «стрессоустойчивость» означает признание Евросоюзом необходимости более внимательно отнестись к внутренним ресурсам соседей и поддержке последних в их развитии. При этом термин «стрессоустойчивость» постоянно употребляется в тексте в связке со стабильностью⁸.

8 Joint Communication "Review of the European Neighbourhood Policy" (2015) // EEAS, November 18, 2015 // https://eeas.europa.eu/archives/delegations/lebanon/documents/news/20151118_en.pdf, дата обращения 25.08.2020.

В представленной широкой публике летом 2016 г. Глобальной стратегии стрессоустойчивость соседей ЕС на юге и востоке была выделена в отдельный блок⁹. Знакомство с текстом подводит к мысли о том, что Брюссель не отказался от продвижения своей модели ценностей вовне, в особенности в соседних государствах и регионах. Характер предлагаемых соседям реформ мало чем отличается от того пакета преобразований, который был прописан в Планах действий образца 2005 г. В этой связи возникает закономерный вопрос о соотношении стрессоустойчивости, как подхода Евросоюза, с угрозами, стоящими перед его соседями на востоке и юге, а также с ресурсами укрепления их стрессоустойчивости перед лицом этих угроз.

Исходя из специфики присутствия стрессоустойчивости в дискурсе ЕС, а также его корреляции с существующими академическими и прикладными подходами, далее предлагается определить критерии, в соответствии с которыми будет проводиться анализ проблематики восточного и южного соседств Евросоюза.

Во-первых, применение понятия «стрессоустойчивость» к сферам безопасности и управления рисками стоит начинать с определения системы, о стрессоустойчивости которой идет речь. Глобальная стратегия фактически указывает на два таких уровня применительно к соседям ЕС. Первый уровень – системы регионального управления, именуемые в Стратегии региональными кооперативными порядками (*co-operative regional orders*). Под ними понимаются сложные сети регионального взаимодействия государств и обществ,

позволяющие выстраивать управление и решать проблемы безопасности в децентрализованном мире, а также извлекать выгоды из участия в процессах глобализации¹⁰. Корни идеи укрепления стрессоустойчивости через поддержку формирования таких режимов лежат в уверенности Евросоюза в успешности собственного опыта кооперативного решения проблем развития и безопасности. Нетрудно догадаться, что в регионах соседства институциональными примерами таких порядков являются Союз для Средиземноморья и Восточное партнерство. При этом в ЕС заинтересованы в максимально широком сотрудничестве на юге и востоке с привлечением так называемых соседей соседей (регион Центральной Азии – на востоке, пространство вплоть до Центральной Африки – на юге) к решению общих региональных проблем.

Следующий уровень – уровень государств и обществ – характеризуется некоторой неоднозначностью. С одной стороны, сложившаяся практика указывает на то, что Брюссель склонен отделять правящие элиты соседних государств от остального населения. В рамках ЕПС гражданские общества и НПО всегда рассматривались в качестве драйвера реформ, формирующего в соответствующих государствах запрос на положительные изменения. С другой стороны, внедряя понятие стрессоустойчивости в политику соседства, Евросоюз указывает на необходимость устранения конфликта между правящими элитами и населением путем формирования эффективных общественных договоров между государством и его гражданами¹¹. Как представляется, дискурс ЕС отчасти пре-

9 Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy (2016) // EEAS // https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web.pdf, дата обращения 25.08.2020.

10 Ibid.

11 Ibid.

одолеет старую «дихотомию государства и общества» [Van Veen 2017, p. 38]. Признается важность «связей между разными частями сложных систем, которые осуществляют управление и поддержание государств, обществ и сообществ»¹².

Во-вторых, дискурс стрессоустойчивости подразумевает наличие негативного воздействия, выдерживать которое соответствующие системы должны, задействовав свои внутренние ресурсы (напр., [Chandler 2013, p. 277]). Укрепление стрессоустойчивости соседних с ЕС регионов, по замыслу Брюсселя, должно в перспективе минимизировать проблему переплескивания на Евросоюз угроз безопасности, с которыми сталкиваются эти самые соседи. В этом смысле стрессоустойчивость в политике соседства означает стремление ЕС переложить часть ответственности за будущее соседей на них самих, создав у них параллельно ощущение сопричастности к определению собственной судьбы. Фактически, как и предыдущие подходы ЕС, стрессоустойчивость выступает как своеобразная практика непрямого управления.

В-третьих, как уже говорилось, стрессоустойчивость особое внимание фокусирует на внутренних параметрах (или ресурсах) системы, изменение, развитие или укрепление которых позволит ей, сталкиваясь с негативным воздействием, восстанавливаться и двигаться дальше. Евросоюз приспособливает этот аспект стрессоустойчивости к своей собственной повестке в отношении соседей. В Глобальной стратегии стрессоустойчивость понимается как способность проводить реформы. Соответственно, и параметры си-

стем рассматриваются Брюсселем через призму неких конечных целей реформ (внедрение энергоэффективности в экономике, приватизация государственной собственности, децентрализация в административно-территориальном устройстве и т. п.).

Принципиальным здесь является вопрос о том, как ЕС мог бы повлиять на ресурсы стрессоустойчивости сложных систем на востоке и юге. С одной стороны, большая часть теоретиков стрессоустойчивости считают, что она является атрибутом внутреннего развития систем, и это сильно снижает возможности внешних акторов по влиянию на нее (напр., [Chandler 2013, p. 277]). С другой стороны, абсолютное большинство общественных систем – открытые системы, а их границы сложно четко провести. В определенном плане сам ЕС можно рассматривать как часть единой системы, включающей, помимо него, и партнеров по ЕПС. Предпосылки для такой постановки вопроса содержатся не только в Глобальной стратегии 2016 г., но даже в первых документах по политике соседства.

Таким образом, далее будут проанализированы следующие взаимосвязанные аспекты артикуляции стрессоустойчивости в отношениях ЕС с государствами восточного и южного соседства:

- характеристика систем, укрепление стрессоустойчивости которых ЕС видит необходимым поощрять на востоке и на юге;
- определение угроз, стоящих перед соседями ЕС;
- характеристика ресурсов укрепления стрессоустойчивости соседей перед лицом этих угроз с учетом рецептов, предлагаемых Брюсселем.

12 Joint Communication "A Strategic Approach to Resilience in the EU's External Action" (2017) // European Commission, June 7, 2017// https://ec.europa.eu/europeaid/sites/devco/files/joint_communication_-_a_strategic_approach_to_resilience_in_the_eus_external_action-2017.pdf, дата обращения 25.08.2020.

Соседи на востоке

Говоря о системном измерении стрессоустойчивости, ранее уже упоминалось, что Брюссель выступает за формирование по своему периметру таких кооперативных региональных порядков, которые были бы ориентированы на сближение с ЕС, с его социально-экономической моделью и системой ценностей. Восточное партнерство, очевидно, является попыткой построения такого регионального порядка и призвано способствовать установлению между восточными соседями ЕС многосторонних связей сотрудничества, при этом ориентированных на европейский опыт и поддержку.

Институционально механизмы сотрудничества в рамках многостороннего измерения ВП выстроены так, что контроль над формированием повестки оказывается в руках Брюсселя. Так, например, согласно установленной процедуре, представители Европейской службы внешних связей и Европейской комиссии подготавливают повестку заседаний четырех тематических платформ «Восточного партнерства» и председательствуют на них¹³. Сама повестка заседаний платформ и панелей привязана к повестке ЕС¹⁴. Такой подход, очевидно, не соответствует одной из базовых идей стрессоустойчивости при применении этой концепции к государствам – соседям ЕС – обеспечению высокой степени их самостоятельности в выработке решений относительно развития собственных ресурсов. Для характеристики ситуации хо-

рошо подходит термин «иллюзия автономии» [Korosteleva 2018].

За почти десять лет, прошедших с момента запуска многостороннего измерения ВП, здесь не сформировалось регионального кооперативного порядка, ориентированного на ЕС и объединенного общими ценностями. Причин тому много – от наличия конфликтов между отдельными государствами-участниками (например, между Арменией и Азербайджаном) до различающихся серьезным образом политических режимов, экономических моделей и внешнеполитических ориентаций.

Также следует отметить неоднозначность отношения Евросоюза к углублению и институционализации регионального сотрудничества. Не все региональные кооперативные порядки одинаково хороши в представлении Брюсселя. Это касается, прежде всего, таких процессов регионального сотрудничества, которые происходят без ориентации на европейскую модель. Интеграционные объединения с участием Москвы воспринимаются как навязанные Россией и подрывающие усилия соответствующих государств по проведению экономических и политических реформ, их усилия по сближению с Евросоюзом.

Такова ситуация с Евразийским экономическим союзом, перспективы взаимодействия с которым увязываются Брюсселем с выполнением Россией Минских соглашений по Украине¹⁵. ЕАЭС не упоминается в новых соглашениях о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и рядом членов Евразийского

13 Eastern Partnership Multilateral Platforms. General Guidelines and Rules of Procedure // EEAS // http://eeas.europa.eu/archives/docs/eastern/platforms/rules_procedure_en.pdf, дата обращения 25.08.2020.

14 Calendar (September-December 2018). Eastern Partnership Platforms and Panels Meetings and Eastern Partnership Civil Society Forum Meetings (2018) // EaP Civil Society Platform // <http://eap-csf.eu/wp-content/uploads/Calendar-version-October-2.pdf>, дата обращения 25.08.2020.

15 Юнкер направил письмо Путину с предложением о взаимодействии ЕС и ЕАЭС (2015) // ТАСС. 19 ноября 2015 // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2454939>, дата обращения 25.08.2020.

союза. При этом содержание соответствующих соглашений часто пересекается со сферами, охваченными интеграцией в рамках ЕАЭС – от таможенного регулирования до государственных закупок¹⁶. Очевидно, что отсутствие нормального взаимодействия между двумя объединениями по таможенным, торговым и смежным вопросам напрямую оказывает влияние на экономическую стрессоустойчивость соответствующих восточных соседей ЕС.

Через призму стрессоустойчивости как подхода правильно было бы подходить к отношениям ЕС – Россия – восточные соседи как к единой системе. Неважно, называется она Большая Евразия или Большая Европа. Вместе с тем на практике Брюссель то включает, то исключает Россию из сотрудничества. В одной и той же сфере (например, в энергетике) она одновременно может играть у Брюсселя и роль источника угроз, и стабилизирующего фактора [Павлова, Романова 2019, с. 106].

Следующий системный уровень стрессоустойчивости, обозначенный в Глобальной стратегии ЕС, – государства и общества. В Евросоюзе, руководствуясь императивами стабилизации, стараются не противопоставлять одно другому и полагают, что без эффективного договора между обществом и государством невозможно обеспечение стрессоустойчивости той или иной страны.

Акцент на взаимодействии с обществами восточных партнеров вне зависимости от желания или нежелания

соответствующего государства принимать такой подход существует в политике ЕС давно. Такие контакты, по мнению Брюсселя, позволяют сформировать в соответствующем государстве соседе проевропейское лобби, которое будет оказывать на консервативную правящую элиту воздействие, подталкивая ее к проведению реформ.

Ярким примером такого подхода является политика изоляции Республики Беларусь, проводившаяся Евросоюзом с конца 1990-х гг. В то время как контакты с политическим руководством страны были Брюсселем практически полностью заморожены, белорусское общество, напротив, стало объектом различных программ и инициатив. В ноябре 2006 г. Еврокомиссия опубликовала неофициальный документ под заголовком «Что Европейский союз может дать Беларуси?». Основной целевой аудиторией документа стал «белорусский народ», а среди предложений Евросоюза – программы поддержки предпринимателей, расширение возможностей для поездок в ЕС, поддержка гражданской активности и т. п. При этом основным препятствием для их реализации был назван «белорусский авторитарный режим»¹⁷.

Как можно догадаться, на практике такая поддержка, граничащая с вмешательством во внутренние дела государства, не только раздражает правящие элиты соседей ЕС, но и способна приводить к более негативным последствиям. Авторитарные государства при

16 Enhanced Partnership and Cooperation Agreement between the European Union and Its Member States, of the One Part, and the Republic of Kazakhstan, of the Other Part (2016) // Official Journal of the European Union, February 4, 2016, L29, pp. 3–150; Joint Proposal for a Council Decision on the Conclusion, on behalf of the European Union, of the Comprehensive and Enhanced Partnership Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the One Part and the Republic of Armenia, of the Other Part (2017) // European Commission, September 25, 2017 // https://cdn3-eeas.fpfis.tech.ec.europa.eu/cdn/farfuture/S17Q1437S_ttyiGoqFm6o6ecE564mEUsiCpCYbga97s/mtime:1514986780/sites/eeas/files/eu-armenia_comprehensive_and_enhanced_partnership_agreement_cepa.pdf, дата обращения 25.08.2020.

17 Что Европейский союз может дать Беларуси? (2008) // Publications Office of the EU, August 11, 2008 // <https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/3babe10e-f2c7-48ff-bf88-10e6c74d29b9/language-ru>, дата обращения 25.08.2020.

их кажущейся внешней стабильности на деле обладают низкой стрессоустойчивостью перед воздействием тех или иных факторов. В такой ситуации вмешательство международного сообщества (в лице, например, ЕС) в локальный конфликт может только усугубить разрастающиеся внутренние противоречия и привести к полной дестабилизации ситуации.

Соответственно, следующим пунктом следует рассмотреть *угрозы*, с которыми сталкиваются соседи ЕС на востоке. Во-первых, речь идет о жесткой безопасности и региональных конфликтах. Ситуация здесь некоторым образом отличается от южной границы Евросоюза. В частности, Россия, как доминирующее на постсоветском пространстве государство, тем или иным образом вовлечена практически во все конфликты в регионе Восточного партнерства – либо в качестве посредника, либо в качестве одной из сторон. В ситуации обострения отношений с Россией урегулирование конфликтов на его восточной границе оказывается для ЕС крайне сложной задачей.

В свое время одним из первых в фокусе ЕПС оказалось Приднестровское урегулирование. В 2005 г. при поддержке Киева и Кишинева на приднестровском участке украинско-молдавской границы была размещена Миссия пограничного содействия Евросоюза. В том же году ЕС и США получили статус наблюдателей в приднестровском урегулировании (так называемый формат 5+2). В 2006 г. при поддержке ЕС Молдова и Украина организовали «таможенную блокаду» Приднестровья, фактически стимулировав возвращение приднестровских экспортеров под

молдавскую юрисдикцию. Участие ЕС в приднестровском урегулировании регулярно отмечается представителями Союза в качестве истории успеха ЕПС в соответствующей сфере. Фактически же ЕС сместил баланс в процессе урегулирования в пользу Кишинева. Это привело к тому, что позиция России по урегулированию стала более жесткой, она далеко отошла от роли посредника [Трещенков 2013, с. 239].

Менее активным было участие ЕС в нагорно-карабахском урегулировании, а также в урегулировании конфликта вокруг Южной Осетии и Абхазии. В первом случае ЕС ограничивается поддержкой Минской группы ОБСЕ, а также инициатив отдельных европейских государств по формированию мер доверия в регионе. Во втором случае до 2008 г. ограничивался введением поста Специального представителя ЕС по Южному Кавказу. Сразу после российско-грузинского конфликта в августе 2008 г. была запущена Мониторинговая миссия ЕС. Она тесно взаимодействует в регионе с ОБСЕ, фактически дополняя усилия данной организации.

Ситуация в сфере безопасности в регионе Восточного партнерства серьезным образом обострилась в связи с присоединением Крыма и конфликтом на юго-востоке Украины. Именно эти события стали одной из причин внедрения понятия стрессоустойчивости в дискурс внешней политики и безопасности ЕС. Действия России были восприняты как нарушение международного права и угроза суверенитету и целостности государств Европы¹⁸. В связи с этим, а также обострившимся информационным противоборством сторон, в политический дискурс ЕС вошло по-

18 Declaration by the High Representative Federica Mogherini on behalf of the EU on the Autonomous Republic of Crimea and the city of Sevastopol (2018) // Council of the EU, March 16, 2018 // <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2018/03/16/declaration-by-the-high-representative-federica-mogherini-on-behalf-of-the-eu-on-the-autonomous-republic-of-crimea-and-the-city-of-sevastopol/>, дата обращения 25.08.2020.

нятие «гибридные угрозы»¹⁹. Одержимость темой информационных угроз со стороны России приводила к тому, что в документах, определяющих приоритеты взаимодействия Евросоюза с отдельными восточными партнерами, подчас более половины всех упоминаемый стрессоустойчивости было связано именно с этим аспектом²⁰.

При этом позиция ЕС по укреплению стрессоустойчивости восточных соседей была весьма неоднозначной. Например, продолжая считать Крым частью Украины, Брюссель тем не менее ввел санкции, направленные на этот регион²¹. Такие действия, направленные на то, чтобы затруднить российским властям развитие Крыма, очевидно, ударяют и по местному населению, создавая дополнительные вызовы для стрессоустойчивости полуострова.

Конфликт на юго-востоке стал серьезной проверкой и для самой Украины на стрессоустойчивость общества, экономики и государственных институтов. Во-первых, речь идет об угрозах безопасности. Это и нелегальный оборот оружия и боеприпасов из зоны конфликта, и социально-экономическая и общественно-политическая напряженность из-за продолжающихся военных действий, и проблема интеграции различного рода «добровольческих» формирований в официальные силовые

структуры [Zguladze, Recean 2017, p. 90]. Одним из предлагаемых Евросоюзом ответов является реформа всего сектора безопасности государства, налаживание обратной связи и контроля со стороны общества за деятельностью силовиков. С этой целью в 2014 г. ЕС запустил в Украине Миссию советников по гражданской реформе сектора безопасности²². Миссия организует консультирование украинской стороны европейскими экспертами, представляющими различные ведомства – от прокуратуры до пограничной службы.

Во-вторых, конфликт спровоцировал массовое перемещение населения с юго-востока в другие регионы Украины. Размещение беженцев и переселенцев представляет собой серьезный вызов для стрессоустойчивости локальных и национальных систем образования, здравоохранения, рынка труда и жилья, охраны правопорядка. При этом перемещались не только отдельные лица, но и целые институты. Яркий пример – эвакуация ряда высших учебных заведений с территорий юго-востока. Здесь уже речь идет о стрессоустойчивости академических коллективов (как тех, которые «эмигрировали», так и тех, которые остались).

Влияние конфликта на юго-востоке Украины на стрессоустойчивость Евросоюза в плане беженцев и трудовой

19 Они были определены как «смесь пропагандистской и подрывной деятельности, смесь обычных и нетрадиционных методов (дипломатических, военных, экономических, технологических), которые могут быть скоординированы государственными или негосударственными субъектами для достижения конкретных целей, при этом оставаясь ниже порога формально объявленной войны». Подробнее см.: Joint Communication "Joint Framework on Countering Hybrid Threats a European Union Response" (2016) // European Commission, April 6, 2016 // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52016JC0018>, дата обращения 25.08.2020.

20 Association Agenda between the European Union and the Republic of Moldova, 2017–2019 (2017) // Official Journal of the European Union, August 19, L215, pp. 5–46; Association Agenda between the European Union and Georgia, 2017–2020 (2017) // EEAS // https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/annex_ii_-_eu-georgia_association_agenda_text.pdf, дата обращения 25.08.2020.

21 Council Decision 2014/507/CFSP of 30 July 2014 Amending Decision 2014/386/CFSP Concerning Restrictions on Goods Originating in Crimea or Sevastopol, in Response to the Illegal Annexation of Crimea and Sevastopol (2014) // Official Journal of the EU, July 30, 2014, L226, pp. 20–22; Council Decision 2014/386/CFSP of 23 June 2014 Concerning Restrictions on Goods Originating in Crimea or Sevastopol, in Response to the Illegal Annexation of Crimea and Sevastopol (2014) // Official Journal of the EU, June 24, 2014, L183, pp. 70–71.

22 Council Decision 2014/486/CFSP of 22 July 2014 on the European Union Advisory Mission for Civilian Security Sector Reform Ukraine (EUAM Ukraine) (2014) // Official Journal of the EU, July 23, 2014, L217, p. 42.

миграции несопоставимо с процессами на южной границе ЕС. Украинцы составляют лишь небольшую часть от количества беженцев. Ключевыми странами, откуда поступают беженцы, являются Сирия и Ирак²³. Объемы украинской трудовой миграции несколько перераспределились в пользу европейского направления из-за серьезных ограничений на российском. Вместе с тем в этом вопросе с определенными вызовами сталкиваются лишь отдельные страны ЕС. В частности, за последние годы существенно вырос поток трудовых мигрантов из Украины в Польшу²⁴.

В социально-экономической сфере существует ряд очевидных угроз стрессоустойчивости восточных соседей ЕС. Экономические преобразования, проводившиеся здесь после распада СССР, в большинстве случаев привели к формированию рыночных экономик. Вместе с тем издержки реформ оказались серьезными – от деиндустриализации до роста бедности и социального расслоения. Далекое не все экономики постсоветских государств нашли свое место в международном и региональном разделении труда. В ряде случаев произошло формирование так называемых экономик денежных переводов. Так, более 20% ВВП Молдовы формировалось в 2017 г. за счет личных переводов из-за рубежа. В Армении этот

показатель составил 13,3%, а в Грузии – 11,9²⁵. Следует отметить, что и по уровню ВВП на душу населения большая часть восточных соседей ЕС находится в довольно сложной ситуации²⁶.

По мнению Брюсселя, экономическая стрессоустойчивость является ключевым фактором для всей стрессоустойчивости государства. Ресурсами укрепления экономической стрессоустойчивости являются разумная макроэкономическая политика, диверсификация экономики, безопасность энергоснабжения и энергоэффективность, создание условий для устойчивого экономического роста и инвестиций, благоприятные условия для малого и среднего бизнеса, программы подготовки и переподготовки кадров²⁷.

Брюссель настаивает на продолжении и углублении соответствующих реформ. При этом, как и прежде, основным ориентиром в том, что касается их перечня, для ЕС выступает Международный валютный фонд²⁸. Макрофинансовая помощь со стороны ЕС предоставляется восточным соседям лишь в том случае, если они уже имеют соответствующую программу сотрудничества с МВФ. Последняя, как известно, предполагает стандартный пакет реформ, проведение которых чревато серьезными социально-экономическими последствиями. Одно из самых обсуждаемых стандартных требований

23 Asylum Statistics // European Commission // https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Asylum%20statistics#Citizenship_of_first-time_applicants:_most_from_Syria_and_Iraq, дата обращения 25.08.2020.

24 Zezwolenia na pracę cudzoziemców w Polsce w 2017 r. (2018) // Government of Poland // <http://stat.gov.pl/obszary-tematyczne/rynek-pracy/opracowania/zezwolenia-na-prace-cudzoziemcow-w-polsce-w-2017-r-,18,1.html>, дата обращения 25.08.2020.

25 Personal Remittances, Received (% of GDP) (2018) // The World Bank // <https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.DT.GD.ZS>, дата обращения 25.08.2020.

26 GDP per capita, PPP (current international \$) (2018) // The World Bank // <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD>, дата обращения 25.08.2020.

27 Joint Communication "A Strategic Approach to Resilience in the EU's External Action" (2017) // European Commission, June 7, 2017 // https://ec.europa.eu/europeaid/sites/devco/files/joint_communication_a_strategic_approach_to_resilience_in_the_eus_external_action-2017.pdf, дата обращения 25.08.2020.

28 Joint Staff Working Document "Eastern Partnership - Focusing on Key Priorities and Deliverables" (2016) // EEAS, December 15, 2016 // https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/swd_2016_467_f1_joint_staff_working_paper_en_v3_p1_873305.pdf, дата обращения 25.08.2020.

МВФ – требование повышения тарифов в сфере ЖКХ [Трещенков 2013].

Проведение структурных реформ экономик и социально-экономических моделей восточных соседей требует взвешенного подхода. В краткосрочной перспективе реформы способны приводить к серьезным социальным издержкам. В долгосрочной – могут заложить основы стрессоустойчивой экономики, но могут и способствовать закреплению за государством не самого комфортного места в международном разделении труда.

Эффективное управление, вовлечение местных сообществ и гражданского общества в процесс принятия решений также указываются Евросоюзом среди принципиальных элементов стрессоустойчивых государств²⁹. При этом ресурсы укрепления такой стрессоустойчивости лежат, исходя из логики Брюсселя, в формировании прозрачных и подотчетных гражданам институтов. Ключевой проблемой, которую не упоминают европейцы, является общая для востока и юга значимость неформальных практик в сравнении с довольно слабо укорененными здесь формальными институтами.

Они могут проявляться в виде межличностных отношений, неформальных сетей, взаимного обмена льготами, рентоориентированного характера отношений внутри властной вертикали и т. п. При этом опыт посткоммунистической трансформации показывает, что между развитием формальных институтов и неформальными практиками существует взаимосвязь, не вписывающаяся в простое бинарное противопоставление одного другому. Х. Алиев на примере грузинского, украинского и молдавского опыта трансформации доказывает, что институциональ-

ные изменения в государствах с широким распространением неформальных практик не могут происходить без привлечения неформальных институтов [Aliyev 2017, p. 192].

Способность самого Евросоюза продвигать формальные институты в странах-соседах зависит от того, насколько соответствующие институциональные изменения затрагивают интересы их правящих элит. Как отмечает, анализируя молдавскую политику, Г. Нижников, если сфера, в которой проводится реформирование, не имеет принципиального значения, успех здесь более вероятен (например, имплементация Орхусской конвенции). Там же, где Евросоюз фокусирует свое внимание на формальном принятии и реализации правил, государственные акторы склонны к сохранению статуса-кво. Без поддержки и вовлечения неправительственных акторов в процесс выработки реформ формируемые институты оказываются зависимы исключительно от воли правящих элит, тем самым оставаясь на бумаге (например, антикоррупционные реформы) [Nizhnikau 2017, pp.116–117]. Ряд исследований убедительно демонстрирует, как правящие элиты восточных соседей, в зависимости от баланса внутриполитических факторов, могут использовать участие в ЕПС как для демократизации, так и для авторитарной консолидации в своих государствах [Агафонов 2015; Shyrokykh 2017].

Переходя от характеристики угроз к анализу *ресурсов* стрессоустойчивости восточных соседей ЕС, следует отметить два важных аспекта. Во-первых, речь идет о неоднозначности тех элементов или особенностей систем, которые можно охарактеризовать в качестве ресурсов. Во-вторых – о принци-

29 Ibid.

пиальном влиянии российского фактора на стрессоустойчивость восточных соседей ЕС. При этом зачастую оба аспекта взаимосвязаны. Так, например, трудовая миграция, в случае с которой Россия зачастую выступает для постсоветских государств основным направлением, может оказывать как негативное, так и положительное влияние на стрессоустойчивость социально-экономической системы страны. С одной стороны, переводы трудовых мигрантов способствуют экономическому росту и росту благосостояния отдельных семей. С другой стороны, многолетняя ориентация страны на «модель роста без создания рабочих мест» не способствует развитию национальной экономики и местного производства. Более того, благосостояние страны – донора трудовых мигрантов становится зависимым от экономической конъюнктуры в стране-реципиенте. Последняя, в свою очередь, может оказывать политическое воздействие на страну-донора путем установления тех или иных ограничений для ее трудовых ресурсов на своем рынке. Подход Евросоюза, учитывая постоянное миграционное давление на него с юга и востока, заключается, скорее, в поддержке формирования рабочих мест в самих экономиках соседей программами развития малого и среднего бизнеса или расширением образовательных возможностей для молодежи.

Другой пример – энергетическая безопасность и доступ к энергоресурсам. В глазах Брюсселя энергетическая зависимость отдельных восточных соседей от России подрывает их стрессоустойчивость. Речь идет, например, о том, что льготные цены на российские энергоносители не способствуют по-

явлению у восточных партнеров стимулов к продвижению энергоэффективности производства. Продукция таких производств оказывается неконкурентоспособной на международных рынках, как только Россия отказывается от предоставления льгот. Кроме того, поставки энергоносителей в условиях полной зависимости от одного поставщика могут быть использованы им и как политический инструмент. ЕС предлагает соседям активнее внедрять возобновляемые источники энергии, повышать энергоэффективность, диверсифицировать источники поставок энергоносителей. Тем не менее в ряде случаев оказывается довольно проблематичным выстроить энергетическую стрессоустойчивость, полностью отказавшись от покупки энергоносителей в России. Яркий пример – Украина, вынужденная, отказавшись от закупки российского газа, приобретать его через европейских посредников по более высокой цене³⁰.

Тесные связи с Россией, вне всякого сомнения, оказывают влияние на стрессоустойчивость восточных соседей Евросоюза [Marin 2017, p. 81]. В контексте украинского кризиса и конфликта по линии Россия – Запад Брюссель оказывается перед соблазном, говоря о стрессоустойчивости восточных соседей, оценить влияние России исключительно как негативное. Речь может идти и о ЕАЭС, и об энергетической зависимости ряда восточных соседей от России, и о многих других аспектах. На деле ситуация здесь примерно такая же, как с противопоставлением формальных институтов и неформальных практик. Отдельные элементы взаимодействия с Россией могут оказаться плохо совместимыми с продвижением по пу-

30 Подобедова Л. (2016) Киев назвал экономленную на отказе от российского газа сумму // РБК. 25 августа 2016// <https://www.rbc.ru/business/25/08/2016/57befedc9a7947bfdbda8762>, дата обращения 25.08.2020.

ти сближения с ЕС, другие, напротив, – сгладить негативные последствия социально-экономической трансформации восточных соседей в целом.

Соседи на юге

В отличие от региона Восточного партнерства, различные попытки формирования регионального кооперативного порядка на южной границе предпринимались Евросоюзом давно. Европейская политика соседства (ЕПС) была «наложена» на многостороннее Евро-средиземноморское партнерство (ЕСП), запущенное в 1995 г. Союз для Средиземноморья, сформированный в 2008 г., включает, помимо государств – членов ЕС и «южных» партнеров по ЕПС (Ливия – наблюдатель), четыре страны «европейского берега», не входящие в ЕС, Турцию, являющуюся кандидатом в члены ЕС, а также Мавританию, которая не участвует в политике соседства³¹.

Кроме того, само Средиземноморье все больше связывается с соседними территориями. Так, «Стратегическое партнерство Африка-ЕС», запущенное в 2007 г., сосредоточено на Африканском союзе (АС)³², а следовательно, включает и африканских партнеров ЕС по ЕПС [Lannon 2017, p. 213].

Глобальная стратегия ЕС 2016 г. внесла здесь еще большую сложность. В ней отмечается, что продвижение стрессоустойчивости должно доходить «на юге вплоть до Центральной Африки»³³. Таким образом, «Средиземноморье, Ближний Восток и Африка» рас-

сматриваются в совокупности как один из «кооперативных региональных порядков»³⁴. Внутри данного порядка упоминаются, во-первых, «Магриб и Ближний Восток», а также Союз для Средиземноморья, однако ЕПС не упомянута вообще. Остальные четыре направления внутри этого «порядка» очень разные: Турция; члены Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и Иран; взаимодействие между Северной Африкой и Африкой южнее Сахары, Африканским Рогом и Ближним Востоком; наконец, африканское направление (в т. ч. АС и субрегиональные африканские организации)³⁵. Например, Турция, будучи кандидатом на вступление, остается за рамками политики соседства ЕС (и поэтому не входит в фокус данной статьи). Тем не менее эта страна – пример все более очевидных связей между южным измерением ЕПС и сопредельными территориями. Остается открытым вопрос, как ЕС сможет координировать свои различные направления политики в этом случае, политику расширения и политику соседства.

Итак, во многом «Средиземноморье включено в более широкий африканский/азиатский регион Соседства», и в этом контексте Ирвэн Лэннон даже задается вопросом о возможном «конце средиземноморских политик ЕС (ЕЭС)» [Lannon 2017, p. 216].

В свою очередь, сам ЕС так или иначе все теснее связывается с территориями к югу. Как наглядно показывает миграционный кризис, Евросоюз, его южные партнеры и соседи последних

31 Сирия приостановила членство в 2011 г.

32 The Africa-EU Strategic Partnership. A Joint Africa-EU Strategy (2018) // African Union // https://www.africa-eu-partnership.org/sites/default/files/documents/eas2007_joint_strategy_en.pdf, дата обращения 25.08.2020.

33 Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy (2016) // EEAS, p. 23 // https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web.pdf, дата обращения 25.08.2020.

34 Ibid., pp. 32, 34–36.

35 Ibid., pp. 35–36.

вполне могут рассматриваться как части *единой* системы.

Таким образом, попытки ЕС продвигать стрессоустойчивость на южном фланге ЕПС, вероятно, все яснее будут подтверждать тот теоретический тезис, что границы любой социальной системы сложно определить, тем более в современном мире. ЕПС продолжает функционировать в старом составе, но однозначно отделить ее южное измерение от других территорий становится все сложнее. В свою очередь, чем масштабнее его связи с окружающими территориями, тем масштабнее будут и вызовы для политики ЕС. Более 20 лет строительства евро-средиземноморского региона не были для ЕС удачными. Вероятно, что конструирование более обширного «стрессоустойчивого» региона будет еще менее легким.

Переходя от надгосударственного уровня к внутригосударственному, отметим, что проблемы здесь более очевидны, но не менее серьезны. Они касаются традиционной проблемы соотношения в политике ЕС между государством и негосударственными акторами. Как полагают многие исследователи южного соседства, для стрессоустойчивости важны сложные связи государства и общества, а не игнорирование одного из них в пользу другого [Ragab 2017; Kerrou 2017; Mouawad 2017]. В то же время, в соответствии с теорией стрессоустойчивости, для нее крайне важен учет локальной специфики и «низовых» ресурсов. Политика ЕС сможет быть более успешной, только если он откажется от своей частой практики полярного подхода к государству и обществу, когда поддерживается либо только правящая верхушка, либо только «прозападное» гражданское общество, и при этом игнорируются многие социальные акторы, которые не вписываются в «западное» понимание общества Евросоюзом.

Угрозы, с которыми сталкиваются страны южного соседства, очень многообразны и достаточно очевидны сами по себе. Угрозы жесткой безопасности, особенно в виде вооруженных конфликтов, терроризма и экстремизма, обладают первостепенной важностью. Это касается, прежде всего, Сирии и Ливии, но во многом и всех остальных южных соседей. Как признает даже один ученый из ЕС, «в по-настоящему хрупких обществах ни демократия западного образца, ни верховенство закона не являются достижимыми ингредиентами стрессоустойчивости в кратко- и среднесрочной перспективе» [Van Veen 2017, p. 39]. В первую очередь, стрессоустойчивость в таких случаях потребует урегулирования вооруженных конфликтов и стабилизации. В то же время ясно, что полноценное разрешение конфликтов и профилактика новых невозможны без параллельной работы по другим измерениям стрессоустойчивости.

В экономическом плане важнейшими структурными проблемами стрессоустойчивости представляются следующие. В плане отраслевой структуры экономики среди специалистов нет консенсуса относительно того, что скорее повышает стрессоустойчивость – диверсифицированная экономика или наличие одной ведущей отрасли, на которой специализировался бы регион [Martin, Sunley 2015, pp. 26–27, 36]. Особое внимание обращается на инновационные сферы [Martin, Sunley 2015, p. 26], хотя и их способность в одиночку повысить стрессоустойчивость региона подвергается сомнению [Clark, Bailey 2018, p. 743]. Проблема для южного соседства состоит в том, что все эти параметры, скорее, негативны. Степень диверсификации экономик невелика. С другой стороны, как известно, и специализация на экспорте углеводородов (доступная далеко не всем этим

странам), и специализация на экспорте сельскохозяйственной продукции (доступная большему числу стран) ведут к своим проблемам [Harrigan 2017, p. 48]. В «Глобальном индексе инноваций» за 2018 г. среди южных участников ЕПС Израиль занимает 11-е место, но следующие за ним страны ЕПС – 66-е место (Тунис) и ниже³⁶.

Известной экономической (и социально-политической) проблемой является безработица. В 2017 г. в семи южных странах – участницах ЕПС оценки показателя безработицы превышали 10% при среднемировом уровне около 5,5%³⁷. Особенно уязвимыми эти страны делает безработица среди молодежи. Оценки за 2017 г. показывают, что среднемировой уровень в 13,4% превышают все южные партнеры, кроме Израиля; причем в странах с очень различными недавними путями развития, таких как Египет, Ливия, Сирия, Тунис, Иордания и Западный Берег и Сектор Газа, проблема далека от решения (показатели – больше 30%)³⁸. Конечно, безработица может снижаться за счет эмиграции (что во многом и происходит с данными странами). Но можно усомниться в том, что отток населения может делать страны действительно стрессоустойчивыми, особенно если учесть «утечку мозгов» [Martin, Sunley 2015, p. 33].

Следует отметить и традиционно большую роль госсектора. Поддерживаемые Евросоюзом пакеты реформ в трактовке МВФ предполагают необходимость широкой приватизации государственного сектора. Однако послед-

ний в странах юга (и, отчасти, востока) во многом является гарантом экономической стрессоустойчивости населения, и его возможное реформирование должно учитывать этот факт. Кроме того, проблемами являются коррупция и «неформальная» экономика, которые во многом сами являются живучими и стрессоустойчивыми (в негативном смысле слова). Частью проблемы «неформальной» экономики является то, что де-факто «от этих видов экономики напрямую зависят широкие слои местного населения» [Dessi 2017, p. 170].

Наконец, теория стрессоустойчивости привлекает внимание к такой структурной проблеме южного соседства, как его «замкнутость» на ЕС и слабость связей между самими южными соседями. Налаживание связей между последними могло бы стать важнейшим фактором их развития [Dessi 2017, pp. 175–176, 188–189]. Однако пока система «ЕС – южное соседство» развивается, скорее, в соответствии с тем, что называется в теории стрессоустойчивости «эффектом оси» (rivet effect) [Martin, Sunley 2015, pp. 28–29]: ЕС служит осью, на которую во многом замкнуты (и от которой сильно зависят) отдельные южные участники ЕПС. При этом экономические связи и тем более интеграция слабы не только между Израилем и арабскими странами, но и между последними. Поощрение Евросоюзом торговых связей по линии «юг – юг» пока привело к скромным результатам³⁹.

В плане экологических угроз Ближний Восток и Северная Африка мо-

36 Global Innovation Index 2018 Energizing the World with Innovation (2018) // WIPO // http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2018.pdf, дата обращения 25.08.2020. В Рейтинг не были включены Ливия, Сирия и Палестина.

37 Unemployment, Total (% of Total Labor Force, Modeled ILO Estimate) (2018) // The World Bank // <https://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS>, дата обращения 25.08.2020.

38 Unemployment, Youth Total (% of Total Labor Force Ages 15–24, Modeled ILO Estimate) (2018) // The World Bank // <https://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.1524.ZS>, дата обращения 25.08.2020.

39 Euro-Mediterranean Partnership (2018) // European Commission // <http://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/regions/euro-mediterranean-partnership/>, дата обращения 25.08.2020.

гут подвергнуться особенно сильно-му влиянию глобального потепления. Кроме того, перед регионом уже стоят серьезнейшие проблемы в плане обеспечения водой [Stang 2017, p. 33]. Экологические вызовы могут вести к политическим и социальным конфликтам. Они (особенно водные) также связаны с развитием сельского хозяйства. Проблемы последнего уже стали фактором низкой продовольственной безопасности – сильной зависимости от импорта и роста цен на продовольствие; подорожание еды стало одной из причин волнений, начавшихся в регионе зимой 2010–2011 гг. Подобные процессы могут повториться в будущем [Schulz 2017, pp.29–30; Stang 2017, p. 34; Harrigan 2017, p. 47]. С другой стороны, экономические трудности затрудняют значительные вложения в решение экологических проблем, а ориентиры экономического развития могут и дальше преследоваться в ущерб окружающей среде.

Наконец, все отмеченные экономические и экологические угрозы, очевидно, обостряют угрозы в социальном измерении, включая политические аспекты. Социальные проблемы стрессоустойчивости связаны, среди прочего, с бедностью, образованием, здравоохранением, гендерным неравенством, демографическими процессами, урбанизацией и качеством жилья. Уже отмечалась проблема продовольственной безопасности, и если говорить об общей «способности государств обеспечивать достаточное количество продовольствия для покрытия национальных нужд», то Ближний Восток и Северная Африка находятся в самом уязвимом положении по мировым меркам [Harrigan 2017, p. 47].

Добавим в отношении угроз, что если обратиться к исследованиям авторов и опросам жителей из самих стран южного соседства (а для теории стрес-

соустойчивости важен именно взгляд «изнутри» системы), то станет ясно, что проблемы жесткой безопасности, экономические и социальные трудности приоритетны по сравнению с вопросами политических реформ. Тем не менее последние также не игнорируются [Ragab 2017, pp. 61, 70–71; 18; Dessi 2017, p. 176]. Теоретически стрессоустойчивость должна учитывать все отмеченные измерения сложных систем, их взаимные связи и противоречия.

Для настоящего анализа важно также подчеркнуть следующий риск, связанный с продвижением Евросоюзом стрессоустойчивости в регионе. Возможно, что нестабильность на юге и недостаток финансовых средств у самого ЕС будут подталкивать его к тому, чтобы поощрять стрессоустойчивость лишь как закрепление статус-кво в странах-партнерах, скрывающего под собой множество проблем. Смыслом такой политики будет логика обеспечения минимально необходимой для функционирования систем стрессоустойчивости. В этом контексте М. Райнард, сравнивая ресурсы стрессоустойчивости бедных и богатых стран, приводит пример лачуг, которые менее уязвимы перед ураганами, чем небоскребы [Rhinard 2017, pp. 26–27]. Конечно, учет подобных ресурсов «выживаемости» мог бы сделать политику ЕС более эффективной, если ЕС как минимум следовал бы принципу «не навреди» уже имеющимся в другом обществе ресурсам [Rhinard 2017, p. 27]. Но очевидно, что такая логика оказывается довольно узкой, минималистской. Сообщества, испытывающие экономические трудности, конечно, могут быть стрессоустойчивыми в минимальном смысле, однако для них стрессоустойчивость – отнюдь не некий идеал ««процветания» перед лицом невзгод»; скорее, это лишь способность «сводить концы с концами» и отсутствие положительных аль-

тернатив [Hickman 2018, pp. 420–421]. Едва ли «увекочивание лачуг» сделает общество стрессоустойчивым в долгосрочном плане.

Согласно Джамилу Муавад, пример негативной стрессоустойчивости дает Ливан. «Стрессоустойчивость» означает в ливанском контексте не устойчивость общества или государства как гаранта публичного блага, а закрепление привилегий правящих элит, которые подчинили себе государство и удовлетворяют лишь минимальные потребности населения, чтобы смягчить его недовольство. Стрессоустойчивость здесь подразумевает лишь хрупкую стабильность, но подспудно ведет к накоплению экономических, социальных и экологических проблем. При этом финансовая помощь иностранных доноров лишь поддерживает сложившуюся ситуацию [Mouawad 2017]. Во многом то же можно сказать и об иностранной помощи Палестине, в оказании которой ЕС – мировой лидер⁴⁰. Масштабная помощь так и не привела к становлению подлинно стрессоустойчивых государства и общества. Скорее, «стрессоустойчивыми» оказались зависимость от иностранного финансирования, отсутствие у палестинского общества подконтрольных ему публичных властей (и палестинских, и израильских) и иллюзорная стабильность, все чаще сменяемая открытым конфликтом. Под вопросом оказывается и долгосрочная стрессоустойчивость Израиля, несмотря на более высокий уровень экономического развития этого государства в сравнении с арабскими соседями. Конфликт с палестинцами, нереализованный потенциал экономических связей с соседями, атмосфера «осажденной крепости» подрыв-

вают его стрессоустойчивость в плане безопасности, демократических институтов, в экономическом и психологическом отношениях. Примером стран южного соседства, где относительная стабильность последних лет (по сравнению с Сирией, Ливией или Египтом) не говорит о большом долгосрочном запасе стрессоустойчивости, являются Алжир и Марокко. В Алжире массовые протесты и последовавший уход в отставку президента А. Бутефлики в 2019 г. уже показали это. Обе страны иллюстрируют проблемы политики ЕС на юге, когда Брюссель, с одной стороны, де-факто сотрудничает с правящими режимами, которые считает для себя выгодными и которые поэтому имеют мало стимулов для более эффективного решения проблем и учета запросов своих обществ, и, с другой, обращается с риторикой демократизации к местным социумам. Итогом могут становиться лишь дальнейшая поляризация и дестабилизация в этих странах.

Стрессоустойчивость обеспечивается различными «институциональными и культурными ресурсами» [Hall, Lamont 2013, p. 2]. Теория стрессоустойчивости также привлекает внимание к тому, что «поддержание разнообразия и излишков» в рамках определенной системы может повышать ее стрессоустойчивость [Van Veen 2017, p. 38; Mykhnenko 2016, pp. 202–203; Martin, Sunley 2015, pp. 7, 27–29]. Различные ресурсы, которые могут показаться излишними в спокойное время, дают системе некоторую «подушку безопасности» на случай кризиса. В случае южного соседства ЕС учет многообразия ресурсов кажется особенно важным. В институциональном плане успешность политики ЕС, как отмечалось выше, бу-

40 См., например, Palestine // European Commission // https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/neighbourhood/countries/palestine_en, дата обращения 25.08.2020.

дет зависеть от того, насколько он сможет не только опираться на ресурсы отдельных правящих верхушек или «прозападных» организаций гражданского общества, но и учитывать важность всего государства и релевантных негосударственных акторов.

Роль государства стоит оговорить отдельно. Государство в регионе южного соседства ЕС является довольно хрупким институтом по причинам, относящимся к колониальному прошлому и современности. Тем не менее оно остается важнейшим институтом, игнорирование которого не может привести к эффективному продвижению стрессоустойчивости. Вполне очевидно, что государство едва ли можно искусственно отделять от общества, о чем зачастую забывал ЕС. Как пишет, например, Иман Рагаб, «государственные институты в Египте (включая бюрократию, армию, образовательную систему, систему здравоохранения, министерства и т. д.) <...> являются на деле неотъемлемой частью» общества [Ragab 2017, p. 57]. На данном этапе широкие слои общества жизненно зависят от государства. В Египте (и многих других южных, а также в некоторых восточных соседях ЕС [Dessi 2017, p. 170]⁴¹) большая доля населения традиционно занята в госсекторе; многие получают государственные продовольственные карточки [Ragab 2017, p. 57]. Едва ли государство как инвестора смогут (по крайней мере, быстро) заменить частные инвесторы и, например, в плане «улучшения климатической стрессоустойчивости в целом» [Stang 2017, p. 35]. Как отмечалось в отношении Ливана и Палестины, государство важно, в целом, как тот главный публичный институт, который призван быть гарантом обще-

ственного блага; если государство плохо выполняет эту функцию, о высокой стрессоустойчивости говорить сложно. Евросоюзу как наднациональному образованию может быть тяжело признать важность государства. Тем не менее государство, гарантирующее порядок (при этом защищающее публичный интерес и не подавляющее общество) могло бы служить ключевым ресурсом стрессоустойчивости южных соседей. Альтернативой этому ориентиру в регионе часто становился хаос. К другой же альтернативе – масштабной наднациональной интеграции по модели ЕС – его южное соседство пока явно не готово.

Переходя к культурным ресурсам стрессоустойчивости, нужно отметить, во-первых, необходимость учета культурной специфики (разумеется, историчной и подвижной) южных партнеров. Во-вторых, идея разнообразия и излишков указывает на важность учета и сосуществования разных культур в регионе. Особо следует отметить роль религии. Так или иначе, религия (в особенности ислам и иудаизм) остается частью повседневной и политической реальности в странах южного соседства. Евросоюзу достаточно сложно работать с этим аспектом. Между тем религия может быть фактором повседневной стрессоустойчивости людей в сложных условиях (миграции, контакты с множеством других культур) [Ögtem-Young 2018]. Успешность политики ЕС будет зависеть от того, насколько конструктивно он будет обращаться к религиозному ресурсу стрессоустойчивости в регионе.

Давать системную оценку политике ЕС по продвижению стрессоустойчивости еще рано, но уже можно при-

41 См. Employment by Region (2018) // The World Bank // <http://www.worldbank.org/en/topic/governance/brief/size-of-the-public-sector-government-wage-bill-and-employment>, дата обращения 25.08.2020.

вести несколько примеров его инициатив, касающихся южных соседей. В плане профилактики вооруженных конфликтов нужно отметить «Систему раннего предупреждения о конфликтах ЕС», в которой стала учитываться и цель продвижения стрессоустойчивости⁴². Можно также указать на «Инициативу по экономической стрессоустойчивости» Европейского инвестиционного банка (ЕИБ)⁴³. Стрессоустойчивость постоянно фигурирует в риторике ЕС относительно сирийского кризиса⁴⁴. Пока, однако, ситуация в регионе не позволяет говорить о том, что шаги ЕС вносят большой позитивный вклад в стабильность и стрессоустойчивость, за подрыв которых он сам отчасти ответственен.

Одним из важнейших вопросов, касающихся не только экономической, но и всех остальных сфер продвижения стрессоустойчивости в южном соседстве, является то, к каким последствиям приведет защита Евросоюзом идей свободного рынка [Juncos 2017, p. 10]. С одной стороны, в странах южного соседства «доля строгой экономии и фискальной сдержанности будет, несомненно, необходима», хотя она и должна быть сбалансирована «инвестициями в экономику и производственный потенциал» [Dessi 2017, p. 172]. В некоторой степени развитие рыночных реформ в регионе имело негативный итог не из-за недостатков свободного рынка как такового. Скорее, эти реформы порождали «кумовской капитализм

[crony capitalism]» [Harrigan 2017, p. 49], т. е. приводили к результатам, во многом противоположным самой декларируемой цели свободного рынка.

С другой стороны, существует риск завышения роли свободного рынка в ущерб остальным ресурсам стрессоустойчивости. Это будет противоречить отмеченной выше ценности разнообразия и излишков. В конкретном смысле это может привести к урезанию тех государственных расходов, которые могли бы стать стабилизирующим фактором во время кризисов.

То же самое относится и к другим ресурсам стрессоустойчивости, не сводимым к свободному рынку, – в частности, к разнообразным социальным и культурным факторам. Если рыночные реформы «игнорируют социальные ресурсы, укорененные в местных культурных практиках, они могут разрушать, а не создавать коллективные возможности» [Hall, Lamont 2013, p. 20]. Такие ресурсы могли бы дополнять и корректировать свободный рынок. Исследователи находят факторы стрессоустойчивости в «плотных социальных сетях, поддерживающих культуру сотрудничества», в «связях с семьями, друзьями и знакомыми», в «коллективных идеях» и «социальной солидарности», причем речь идет и о развитых странах Запада [Hall, Lamont 2013, pp. 16–17]. Очевидно, что эти ресурсы *еще более актуальны* для южных соседей ЕС, по сравнению с западными социумами, и в этом плане южно-средиземноморские обще-

42 Joint Staff Working Document “EU Conflict Early Warning System: Objectives, Process and Guidance for Implementation – 2017” (2017) // European Commission, July 27, 2017 // https://ec.europa.eu/europeaid/sites/devco/files/swd-eu-conflict-early-warning-system-2017_en.pdf, дата обращения 25.08.2020.

43 Economic Resilience Initiative. Southern Neighbourhood and the Western Balkans // European Investment Bank // http://www.eib.org/attachments/thematic/eib_economic_resilience_initiative_en.pdf, дата обращения 25.08.2020.

44 См., например, Council Adopts EU Strategy on Syria (2017) // Council of the EU // <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2017/04/03/fac-conclusions-syria/>; Agreement Establishing the European Union Regional Trust Fund in Response to the Syrian Crisis, “The Madad Fund”, and Its Internal Rules (2016) // European Commission // <https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/neighbourhood/countries/syria/madad/20160526-revised-madad-fund-constitutive-agreement.pdf>, дата обращения 25.08.2020.

ства могут иметь даже больший потенциал стрессоустойчивости. Разумеется, все вышесказанное не подразумевает рассмотрения культур стран южного соседства с эссенциалистской точки зрения, как некоторых монолитных образований, «держатся на духовности», в противовес некоему «материалистическому Западу». Успешная политика поощрения стрессоустойчивости лишь должна учитывать имеющиеся на данный момент ресурсы, но это не исключает общественного динамизма и многообразия. Наоборот, стрессоустойчивыми могут быть почти всегда лишь довольно гибкие и внутренне разнообразные системы. Соответственно, результативность политики ЕС будет зависеть от того, сможет ли он сбалансированно работать с внутренними ресурсами и внутренней динамикой соседней.

Заключение

Появление понятия «стрессоустойчивость» в дискурсе ЕС стало реакцией на серьезный кризис европейской модели – в ее внутреннем и внешнем проявлениях. В основе применения концепции к ЕПС была мысль о том, что соседним государствам стоит доверить самостоятельное формирование такой стрессоустойчивости, которая позволила бы им абсорбировать угрозы безопасности широкого плана, не проецируя их на Европейский союз. Вместе с тем по своей сути подходы ЕС остались неизменными. Пока понятие «стрессоустойчивость» серьезным образом не повлияло ни на используемый инструментарий, ни на представление Брюсселя о необходимом пакете реформ для соседних государств.

Принципиальная разница между восточным и южным соседствами заключается в том, что, поскольку в куль-

турном и географическом плане регион Восточного партнерства воспринимается как принадлежащий к «Большой Европе», его развитие рассматривается через призму европейской интеграции, пусть и в далекой перспективе. Соответственно, к восточному соседству предъявляются более высокие требования. Здесь Брюссель не отказался от продвижения полного пакета реформ, ориентированного на распространение на государство региона существующих в самом Евросоюзе практик. На юге граница Европы давно и довольно четко зафиксирована по морю, а проблематика Южного Средиземноморья и Ближнего Востока все более сливается в глазах ЕС с проблемами всего Африканского континента. В дискурсе и политике Евросоюза игнорирование проблем южного соседства рискует помешать формированию более качественных форм стрессоустойчивости, основанных на существенных культурных особенностях этого пространства.

Риторически признавая специфику каждого соседа, Брюссель не всегда готов на практике принимать такие очевидные моменты, как постепенность и поступательный характер преобразований, а также неизбежная опора в этом процессе на уже имеющиеся ресурсы систем, даже если эти ресурсы не вписываются в сложившееся представление о «правильном» и «неправильном». Маркируя те или иные общественные отношения и практики как «негативные», ЕС косвенно поддерживает курс на радикальный слом существующих отношений в южных и восточных соседях. В ряде случаев (особенно на юге) такой подход приводит к полному демонтажу прежних правил игры, заканчиваясь длительным периодом нестабильности. Вернуться к равновесию и тем более сформировать стрессоустойчивость после этого довольно сложно.

Список литературы

- Агафонов Ю. (2015) Влияние Европейской политики соседства на политические режимы стран Восточного партнерства // *Мировая экономика и международные отношения*. №10. С. 40–49 // https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/10_2015/40_49_Agafonv.pdf, дата обращения 25.08.2020.
- Донич Т.Г. (2018) Эволюция стратегии Европейского союза в отношении стран «Восточного партнерства» // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. № 2(16). С. 96–107 // <https://elibrary.ru/item.asp?id=35248405>, дата обращения 25.08.2020.
- Павлова Е.Б., Гудалов Н.Н., Кочур Г.В. (2017) «Стрессоустойчивость»: новое слово в международных отношениях или вариация на неолиберальную тему? // *Вестник Московского Университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. Т. 9. № 2. С. 170–182 // https://elibrary.ru/download/elibrary_30053292_84646279.pdf, дата обращения 25.08.2020.
- Павлова Е.Б., Романова Т.А. (2019) Стрессоустойчивость в Евросоюзе и Россия: суть и перспективы новой концепции // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 63. № 6. С. 102–109. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-6-102-109
- Романова Т.А. (2017) Категория «Стрессоустойчивость» в Европейском Союзе // *Современная Европа*. № 4. С. 17–28 // https://elibrary.ru/download/elibrary_30638393_32992684.pdf, дата обращения 25.08.2020.
- Трещенков Е.Ю. (2013) От восточных соседей к восточным партнерам. Республика Беларусь, Республика Молдова и Украина в фокусе политики соседства Европейского Союза (2002–2012). СПб.
- Худолей К.К., Трещенков Е.Ю. (2016) В украинском кризисе виноват Запад? // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 60. № 11. С. 123–127 // https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://imemo.ru/files/File/magazines/meimo/11_2016/123-127Khudoley.pdf, дата обращения 25.08.2020.
- Шейн С. (2019) Европейские политические элиты тестируют стрессоустойчивость? // *Российский совет по международным делам*. 18 сентября 2019 // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/evropeyskie-politicheskie-elity-testiruyut-stressoustoychivost/>, дата обращения 25.08.2020.
- Юн С.М. (2014) Модель ассоциации Европейского союза со странами-участницами «Восточного партнерства» // *Известия Иркутского государственного университета*. Т. 7. С. 44–50 // https://elibrary.ru/download/elibrary_21366305_91588265.pdf, дата обращения 25.08.2020.
- Aliyev H. (2017) *When Informal Institutions Change: Institutional Reforms and Informal Practices in the Former Soviet Union*, Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Brand F.S., Jax K. (2007) Focusing the Meaning(s) of Resilience: Resilience as a Descriptive Concept and a Boundary Object // *Ecology and Society*, vol. 12, no 1. DOI: 10.5751/ES-02029-120123
- Chandler D. (2013) International Statebuilding and the Ideology of Resilience // *Politics*, vol. 33, no 4, pp. 276–286. DOI:10.1111/1467-9256.12009
- Clark J., Bailey D. (2018) Labour, Work and Regional Resilience // *Regional Studies*, vol. 52, no 6, pp. 741–744. DOI: 10.1080/00343404.2018.1448621
- Colombo S., Ntousas V. (2017) Framing Resilience: A New Pathway for EU–MENA Relations // *The EU, Resilience and the MENA Region* (eds. Colombo

S., Dessi A., Ntousas V.), Brussels: Foundation for European Progressive Studies (FEPS) and Rome: Istituto Affari Internazionali (IAI), pp. 11–28 // <http://www.iai.it/sites/default/files/9788868129712.pdf>, дата обращения 25.08.2020.

Dessi A. (2017) *Fostering State and Societal Resilience in the Middle East and North Africa: Recommendations for the EU* // The EU, Resilience and the MENA Region (eds. Colombo S., Dessi A., Ntousas V.), Brussels: Foundation for European Progressive Studies (FEPS) and Rome: Istituto Affari Internazionali (IAI), pp. 157–194 // <http://www.iai.it/sites/default/files/9788868129712.pdf>, дата обращения 25.08.2020.

Hall P., Lamont M. (2013) *Introduction* // *Social Resilience in the Neoliberal Era* (eds. Hall P., Lamont M.), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 1–32.

Harrigan J. (2017) *No Title* // *After the EU Global Strategy – Building Resilience* (eds. Gaub F., Popescu N.), Paris: European Union Institute for Security Studies, pp. 47–49 // <https://www.iss.europa.eu/content/after-eu-global-strategy-%E2%80%93-building-resilience>, дата обращения 25.08.2020.

Hickman P. (2018) *A Flawed Construct? Understanding and Unpicking the Concept of Resilience in the Context of Economic Hardship* // *Social Policy & Society*, vol. 17, no 3, pp. 409–424. DOI: 10.1017/S1474746417000227

Holling C.S. (1973) *Resilience and Stability of Ecological Systems* // *Annual Review of Ecology and Systematics*, vol. 4, pp. 1–23 // https://www.zoology.ubc.ca/bdg/pdfs_bdg/2013/Holling%201973.pdf, дата обращения 25.08.2020.

Juncos A.E. (2017) *Resilience as the New EU Foreign Policy Paradigm: A Pragmatist Turn?* // *European Security*, vol. 26, no 1, pp. 1–18. DOI: 10.1080/09662839.2016.1247809

Kerrou M. (2017) *Challenges and Stakes of State and Societal Resilience in*

Tunisia // The EU, Resilience and the MENA Region (eds. Colombo S., Dessi A., Ntousas V.), Brussels: Foundation for European Progressive Studies (FEPS) and Rome: Istituto Affari Internazionali (IAI), pp. 29–52 // <http://www.iai.it/sites/default/files/9788868129712.pdf>, дата обращения 25.08.2020.

Korosteleva E. (2018) *Paradigmatic or Critical? Resilience as a New Turn in EU Governance for the Neighbourhood* // *Journal of International Relations and Development*. DOI:10.1057/s41268-018-0155-z

Lannon E. (2017) *The Mediterranean in the EU's 2016 Global Strategy: Connecting the Mediterranean, the Middle East and Africa* // *IEMED Mediterranean Yearbook* (ed. Florensa S.), Barcelona: IEMed, pp. 213–216 // https://www.iemed.org/observatori/arees-danalisi/arxiu-adjunts/anuari/med.2017/IEMed_MedYearbook2017_mediterranean_eu_africa_Lannon.pdf, дата обращения 25.08.2020.

Marin A. (2017) *No Title* // *After the EU Global Strategy – Building Resilience* (eds. Gaub F., Popescu N.), Paris: European Union Institute for Security Studies, pp. 81–83 // <https://www.iss.europa.eu/content/after-eu-global-strategy-%E2%80%93-building-resilience>, дата обращения 25.08.2020.

Martin R., Sunley P. (2015) *On the Notion of Regional Economic Resilience: Conceptualization and Explanation* // *Journal of Economic Geography*, vol. 15, no 1, pp. 1–42. DOI: 10.1093/jeg/lbu015

Mouawad J. (2017) *Unpacking Lebanon's Resilience: Undermining State Institutions and Consolidating the System?* // The EU, Resilience and the MENA Region (eds. Colombo S., Dessi A., Ntousas V.), Brussels: Foundation for European Progressive Studies (FEPS) and Rome: Istituto Affari Internazionali (IAI), pp. 75–89 // <http://www.iai.it/sites/default/files/9788868129712.pdf>, дата обращения 25.08.2020.

Mykhnenko V. (2016) Resilience: A Right-wingers' Ploy? // *The Handbook of Neoliberalism* (eds. Springer S., Birch K., MacLeavy J.), New York, London: Routledge, pp. 190–206.

Nizhnikau R. (2017) Promoting Reforms in Moldova. EU-Induced Institutional Change in the Migration and Environmental Protection Sectors // *Problems of Post-Communism*, vol. 64, no 2, pp. 116–117. DOI:10.1080/10758216.2016.1219617

Ögtem-Young Ö. (2018) Faith Resilience: Everyday Experiences // *Societies*, vol. 8, no 1. Art. 10 // <https://www.mdpi.com/2075-4698/8/1/10>, дата обращения 25.08.2020.

Olsson L., Jerneck A., Thoren H., Persson J., O'Byrne D. (2015) Why Resilience Is Unappealing to Social Science: Theoretical and Empirical Investigations of the Scientific Use of Resilience // *Science Advances*. No. 1 // <http://advances.sciencemag.org/content/advances/1/4/e1400217.full.pdf>, дата обращения 25.08.2020.

Ragab E. (2017) Egypt in Transition: Challenges of State and Societal Resilience // *The EU, Resilience and the MENA Region* (eds. Colombo S., Dessì A., Ntousas V.), Brussels: Foundation for European Progressive Studies (FEPS) and Rome: Istituto Affari Internazionali (IAI), pp. 53–73 // <http://www.iai.it/sites/default/files/9788868129712.pdf>, дата обращения 25.08.2020.

Rhinard M. (2017) No Title // *After the EU Global Strategy – Building Resilience* (eds. Gaub F., Popescu N.), Paris: European Union Institute for Security Studies, pp. 25–27 // [https://www.iss.europa.eu/content/after-eu-global-strategy-](https://www.iss.europa.eu/content/after-eu-global-strategy-%E2%80%93-building-resilience)

[-building-resilience](https://www.iss.europa.eu/content/after-eu-global-strategy-%E2%80%93-building-resilience), дата обращения 25.08.2020.

Schulz S. (2017) No Title // *After the EU Global Strategy – Building Resilience* (eds. Gaub F., Popescu N.), Paris: European Union Institute for Security Studies, pp. 29–31 // <https://www.iss.europa.eu/content/after-eu-global-strategy-%E2%80%93-building-resilience>, дата обращения 25.08.2020.

Shyrokykh K. (2017) Effects and Side Effects of European Union Assistance on the Former Soviet Republics // *Democratization*, vol. 24, no 4, pp. 651–669. DOI: 10.1080/13510347.2016.1204539

Stang G. (2017) No Title // *After the EU Global Strategy – Building Resilience* (eds. Gaub F., Popescu N.), Paris: European Union Institute for Security Studies, pp. 33–35 // <https://www.iss.europa.eu/content/after-eu-global-strategy-%E2%80%93-building-resilience>, дата обращения 25.08.2020.

Van Veen E. (2017) No Title // *After the EU Global Strategy – Building Resilience* (eds. Gaub F., Popescu N.), Paris: European Union Institute for Security Studies, pp. 37–39 // <https://www.iss.europa.eu/content/after-eu-global-strategy-%E2%80%93-building-resilience>, дата обращения 25.08.2020.

Zguladze E., Recean D. (2017) No Title // *After the EU Global Strategy – Building Resilience* (eds. Gaub F., Popescu N.), Paris: European Union Institute for Security Studies, pp. 89–91 // <https://www.iss.europa.eu/content/after-eu-global-strategy-%E2%80%93-building-resilience>, дата обращения 25.08.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-8

Resilience in the European Neighborhood Policy

Nikolay N. GUDALOV

PhD in Politics, Associate Professor, School of International Relations

Saint Petersburg State University, 191060, Smolnogo St., 1/3, Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: n.gudalov@spbu.ru

ORCID: 0000-0001-7398-933X

Evgeny Yu. TRESHCHENKOV

PhD in History, Associate Professor, School of International Relations

Saint Petersburg State University, 191060, Smolnogo St., 1/3, Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: e.treschenkov@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-1323-2383

CITATION: Gudalov N.N., Treshchenkov E.Yu. (2020) Resilience in the European Neighborhood Policy. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 4, pp. 163–191 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-8

Received: 15.07.2019.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study was made possible by a grant from the Russian Science Foundation (project no 17-18-01110).

ABSTRACT. *This paper explores the articulation of the resilience concept in the policies of the European Union to the Eastern and Southern neighborhoods. In the discourse of foreign policy and security of the EU Global Strategy 2016, this concept appears as a key one. The idea is to empower the neighboring countries in their autonomous efforts to build such resilience that would allow them to absorb a wide range of security threats without projecting them on the European Union. An analysis of the place of resilience in the evolution of the European Neighborhood Policy, as well as in relations with neighbors to the East and South, allows us to draw conclusions regarding the novelty of the approach, as well as the prospects and obstacles to its implementation. The EU policy is analyzed*

along key dimensions for the concept of resilience: systems, threats, and resources. At its core, the EU's approaches have changed little, which can come into conflict with the cornerstone ideas of resilience thinking. For example, there is a tendency to assess the social and cultural practices existing in the neighboring countries through the prism of "right" and "wrong", thus excluding them from resources of building resilience. In the case of the Eastern Neighborhood, Brussels did not refuse to promote here a full package of reforms aimed at spreading European practices to the states of the region. This is based on the perception of the region as a part of Wider Europe. The problems of the Southern Mediterranean and the Middle East, on the contrary, are increasingly merging in the eyes of the EU with those of the

entire African continent. In the discourse and the policy of the European Union, disregard of the region's problems may impede the formation of higher-quality forms of resilience in the South.

KEY WORDS: resilience, European Union, European Neighborhood Policy, Eastern and Southern neighborhood

References

- Agafonov Yu. (2015) European Neighborhood Policy's Impact on Political Regimes of Eastern Partnership Countries. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no 10, pp. 40–49. Available at: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/10_2015/40_49_Agafonv.pdf, accessed 25.08.2020 (in Russian).
- Aliyev H. (2017) *When Informal Institutions Change: Institutional Reforms and Informal Practices in the Former Soviet Union*, Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Brand F.S., Jax K. (2007) Focusing the Meaning(s) of Resilience: Resilience as a Descriptive Concept and a Boundary Object. *Ecology and Society*, 2007, vol.12, no 1. DOI: 10.5751/ES-02029-120123
- Chandler D. (2013) International Statebuilding and the Ideology of Resilience. *Politics*, vol. 33, no 4, pp. 276–286. DOI: 10.1111/1467-9256.12009
- Clark J., Bailey D. (2018) Labour, Work and Regional Resilience. *Regional Studies*, vol. 52, no 6, pp. 741–744. DOI: 10.1080/00343404.2018.1448621
- Colombo S., Ntousas V. (2017) Framing Resilience: A New Pathway for EU–MENA Relations. *The EU, Resilience and the MENA Region* (eds. Colombo S., Dessi A., Ntousas V.), Brussels: Foundation for European Progressive Studies (FEPS) and Rome: Istituto Affari Internazionali (IAI), pp. 11–28. Available at: <http://www.iai.it/sites/default/files/9788868129712.pdf>, accessed 25.08.2020.
- Dessi A. (2017) Fostering State and Societal Resilience in the Middle East and North Africa: Recommendations for the EU. *The EU, Resilience and the MENA Region* (eds. Colombo S., Dessi A., Ntousas V.), Brussels: Foundation for European Progressive Studies (FEPS) and Rome: Istituto Affari Internazionali (IAI), pp. 157–194. Available at: <http://www.iai.it/sites/default/files/9788868129712.pdf>, accessed 25.08.2020.
- Donich T. (2018) Transformation of the EU Strategy towards “Eastern Partnership” Countries. *Vestnik Diplomatichej akademii MID Rossii. Rossiya i mir*, no 2(16), pp. 96–107. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35248405>, accessed 25.08.2020 (in Russian).
- Hall P., Lamont M. (2013) Introduction. *Social Resilience in the Neoliberal Era* (eds. Hall P., Lamont M.), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 1–32.
- Harrigan J. (2017) No Title. *After the EU Global Strategy – Building Resilience* (eds. Gaub F., Popescu N.), Paris: European Union Institute for Security Studies, pp. 47–49. Available at: <https://www.iss.europa.eu/content/after-eu-global-strategy-%E2%80%93-building-resilience>, accessed 25.08.2020.
- Hickman P. (2018) A Flawed Construct? Understanding and Unpicking the Concept of Resilience in the Context of Economic Hardship. *Social Policy & Society*, vol. 17, no 3, pp. 409–424. DOI: 10.1017/S1474746417000227
- Holling C.S. (1973) Resilience and Stability of Ecological Systems. *Annual Review of Ecology and Systematics*, vol. 4, pp. 1–23. Available at: https://www.zoology.ubc.ca/bdg/pdfs_bdg/2013/Holling%201973.pdf, accessed 25.08.2020.
- Juncos A.E. (2017) Resilience as the New EU Foreign Policy Paradigm: A Pragmatist Turn? *Euro-*

pean Security, vol. 26, no 1, pp. 1–18. DOI: 10.1080/09662839.2016.1247809

Kerrou M. (2017) Challenges and Stakes of State and Societal Resilience in Tunisia. *The EU, Resilience and the MENA Region* (eds. Colombo S., Dessì A., Ntousas V.), Brussels: Foundation for European Progressive Studies (FEPS) and Rome: Istituto Affari Internazionali (IAI), pp. 29–52. Available at: <http://www.iai.it/sites/default/files/9788868129712.pdf>, accessed 25.08.2020.

Khudoley K., Treshchenkov E. (2016) Is The West Responsible For The Ukrainian Crisis? *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 60, no 11, pp. 123–127. Available at: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://imemo.ru/files/File/magazines/meimo/11_2016/123-127Khudoley.pdf, accessed 25.08.2020 (in Russian).

Korosteleva E. (2018) Paradigmatic or Critical? Resilience as a New Turn in EU Governance for the Neighbourhood. *Journal of International Relations and Development*. DOI: 10.1057/s41268-018-0155-z

Lannon E. (2017) The Mediterranean in the EU's 2016 Global Strategy: Connecting the Mediterranean, the Middle East and Africa. *IEMED Mediterranean Yearbook* (ed. Florensa S.), Barcelona: IEMed, pp. 213–216. Available at: https://www.iemed.org/observatori/arees-danalisi/arxiu-adjunts/anuari/med.2017/IEMed_MedYearbook2017_mediterranean_eu_africa_Lannon.pdf, accessed 25.08.2020.

Marin A. (2017) No Title. *After the EU Global Strategy – Building Resilience* (eds. Gaub F., Popescu N.), Paris: European Union Institute for Security Studies, pp. 81–83. Available at: <https://www.iss.europa.eu/content/after-eu-global-strategy-%E2%80%93-building-resilience>, accessed 25.08.2020.

Martin R., Sunley P. (2015) On the Notion of Regional Economic Resilience: Conceptualization and Explanation. *Jour-*

nal of Economic Geography, vol. 15, no 1, pp. 1–42. DOI: 10.1093/jeg/lbu015

Mouawad J. (2017) Unpacking Lebanon's Resilience: Undermining State Institutions and Consolidating the System? *The EU, Resilience and the MENA Region* (eds. Colombo S., Dessì A., Ntousas V.), Brussels: Foundation for European Progressive Studies (FEPS) and Rome: Istituto Affari Internazionali (IAI), pp. 75–89. Available at: <http://www.iai.it/sites/default/files/9788868129712.pdf>, accessed 25.08.2020.

Mykhnenko V. (2016) Resilience: A Right-wingers' Ploy? *The Handbook of Neoliberalism* (eds. Springer S., Birch K., MacLeavy J.), New York, London: Routledge, pp. 190–206.

Nizhnikau R. (2017) Promoting Reforms in Moldova. EU-Induced Institutional Change in the Migration and Environmental Protection Sectors. *Problems of Post-Communism*, vol. 64, no 2, pp. 116–117. DOI: 10.1080/10758216.2016.1219617

Ögtem-Young Ö. (2018) Faith Resilience: Everyday Experiences. *Societies*, vol. 8, no 1, art. 10. Available at: <https://www.mdpi.com/2075-4698/8/1/10>, accessed 25.08.2020.

Olsson L., Jerneck A., Thoren H., Persson J., O'Byrne D. (2015) Why Resilience Is Unappealing to Social Science: Theoretical and Empirical Investigations of the Scientific Use of Resilience. *Science Advances*. No. 1. Available at: <http://advances.sciencemag.org/content/advances/1/4/e1400217.full.pdf>, accessed 25.08.2020.

Pavlova E.B., Gudalov N.N., Kotsur G.V. (2017) 'Resilience': A New Word in International Relations or a Variation on a Neoliberal Theme? *Moscow University Journal of World Politics*, vol. 9, no 2, pp. 170–182. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_30053292_84646279.pdf, accessed 25.08.2020 (in Russian).

Pavlova E., Romanova T. (2019) Resilience in the European Union and Russia: Essence and Perspectives of the New Concept.

World Economy and International Relations, vol. 63, no 6, pp. 102–109 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-6-102-109

Ragab E. (2017) Egypt in Transition: Challenges of State and Societal Resilience. *The EU, Resilience and the MENA Region* (eds. Colombo S., Dessì A., Ntousas V.), Brussels: Foundation for European Progressive Studies (FEPS) and Rome: Istituto Affari Internazionali (IAI), pp. 53–73. Available at: <http://www.iai.it/sites/default/files/9788868129712.pdf>, accessed 25.08.2020.

Rhinard M. (2017) No Title. *After the EU Global Strategy – Building Resilience* (eds. Gaub F., Popescu N.), Paris: European Union Institute for Security Studies, pp. 25–27. Available at: <https://www.iss.europa.eu/content/after-eu-global-strategy-%E2%80%93-building-resilience>, accessed 25.08.2020.

Romanova T. (2017) Resilience Category in the European Union. *Contemporary Europe*, no 4, pp. 17–28. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_30638393_32992684.pdf, accessed 25.08.2020 (in Russian).

Schulz S. (2017) No Title. *After the EU Global Strategy – Building Resilience* (eds. Gaub F., Popescu N.), Paris: European Union Institute for Security Studies, pp. 29–31. Available at: <https://www.iss.europa.eu/content/after-eu-global-strategy-%E2%80%93-building-resilience>, accessed 25.08.2020.

Shein S. (2019) Do European Political Elites Test Resilience? *The Russian International Affairs Council*, September 18, 2019. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/evropeyskie-politicheskie-elity-testiruyut-stressoustoychivost/>, accessed 25.08.2020 (in Russian).

Shyrokykh K. (2017) Effects and Side Effects of European Union Assistance on the Former Soviet Republics. *Democratization*, vol. 24, no 4, pp. 651–669. DOI: 10.1080/13510347.2016.1204539

Stang G. (2017) No Title. *After the EU Global Strategy – Building Resilience* (eds. Gaub F., Popescu N.), Paris: European Union Institute for Security Studies, pp. 33–35. Available at: <https://www.iss.europa.eu/content/after-eu-global-strategy-%E2%80%93-building-resilience>, accessed 25.08.2020.

Treshchenkov E.Yu. (2013) *From Eastern Neighbors to Eastern Partners. The Republic of Belarus, the Republic of Moldova and Ukraine in the Focus of the European Union's Neighborhood Policy (2002–2012)*, Saint Petersburg (in Russian).

Van Veen E. (2017) No Title. *After the EU Global Strategy – Building Resilience* (eds. Gaub F., Popescu N.), Paris: European Union Institute for Security Studies, pp. 37–39. Available at: <https://www.iss.europa.eu/content/after-eu-global-strategy-%E2%80%93-building-resilience>, accessed 25.08.2020.

Yun S.M. (2014) The Model of Association between the European Union and “Eastern Partnerships Countries”. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 7, pp. 44–50. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_21366305_91588265.pdf, accessed 25.08.2020 (in Russian).

Zguladze E., Recean D. (2017) No Title. *After the EU Global Strategy – Building Resilience* (eds. Gaub F., Popescu N.), Paris: European Union Institute for Security Studies, pp. 89–91. Available at: <https://www.iss.europa.eu/content/after-eu-global-strategy-%E2%80%93-building-resilience>, accessed 25.08.2020.